

Ю.С. Филаретова

**СИРИЙСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ КАК ОДНО ИЗ КЛЮЧЕВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ В XXI ВЕКЕ**

***Аннотация.** Исследование посвящено анализу внешнеполитического курса России в первой четверти XXI в. Автор приводит доводы о том, что участие в сирийском конфликте и его урегулировании является одним из основополагающих векторов развития современной стратегии внешней политики РФ. Целью статьи стало исследование курса, который проводила Россия в Сирии для того, чтобы обеспечить себе уверенные позиции в современной системе международных отношений. Автор использует комплексный подход, включающий качественный и статистический методы анализа с опорой на эмпирическую базу внешнеполитических документов РФ.*

Так, в первую очередь изучаются приоритетные национальные интересы России и то, как они проецируются на стратегию страны по сирийскому вопросу. Исходя из интересов, анализируются полученные Россией дивиденды от участия в урегулировании конфликта и проведении военной операции на территории САР.

Автор делает выводы о том, что Сирия стала стержневым звеном во внешней политике России на современном этапе, в том числе в контексте украинского конфликта, послужив не только полигоном для тестирования вооружений и военного персонала в борьбе против террористических группировок, но и способом закрепления в регионе Ближнего Востока и на Средиземном море, что в конечном счете рассматривается как механизм по возвращению себе статуса одной из лидирующих держав в формирующемся миропорядке.

Оригинальность исследования заключается в том, что, несмотря на глубокую изученность темы российского участия в сирийском конфликте, работа представляет собой системный анализ современной реактивной внешнеполитической стратегии РФ, доказывая, что именно Сирия стала отправной точкой в ее реализации.

***Ключевые слова:** Россия; внешняя политика; сирийский конфликт; терроризм; урегулирование конфликта; военная операция; Украина.*

Филаретова Юлия Сергеевна – ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Россия, Екатеринбург.

E-mail: iulia.filaretova@urfu.ru

ORCID: 0000-0002-8879-740X

Researcher ID: JZD-2020-2024

Filaretova Iu.S.

The Syrian settlement as one of the core objectives of Russia's foreign policy strategy in the 21st century

Abstract. *This paper analyzes Russia's foreign policy in the first quarter of the 21st century, with a focus on its involvement in the Syrian conflict and its resolution as a key vector in shaping Russia's modern foreign policy strategy. The study argues that Russia's engagement in Syria has been instrumental in securing its position within the contemporary international system. The purpose of the article is to examine the course pursued by Russia in Syria to establish a strong foothold in global affairs.*

The research employs an integrated approach, combining qualitative and statistical methods of analysis based on the empirical foundation of Russian foreign policy documents. The study begins by analyzing Russia's priority national interests and their projection onto the country's strategic objectives in Syria. Building on this analysis, it evaluates the dividends Russia has gained from its involvement in the conflict and its military operations in the Syrian Arab Republic.

The author concludes that Syria has become a cornerstone of Russian foreign policy in the current era, particularly in the context of the Ukrainian conflict. Syria has served not only as a testing ground for Russian weaponry and military personnel in the fight against terrorist groups but also as a strategic platform for establishing a long-term presence in the Middle East and the Mediterranean. This, in turn, is seen as a mechanism for Russia to reassert its status as one of the leading powers in the emerging global order.

The paper presents original research by offering a systematic analysis of Russia's modern reactive foreign policy strategy, positioning Syria as a critical starting point for its implementation. Despite extensive scholarly attention to Russia's involvement in the Syrian conflict, this study uniquely frames it within the broader context of Russia's strategic recalibration in the international arena.

Keywords: *Russia; foreign policy; Syrian conflict; terrorism; conflict resolution; military operation; Ukraine.*

Filaretova Iuliia Sergeevna – Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. Russia, Yekaterinburg.

E-mail: iulia.filaretova@urfu.ru

ORCID: 0000-0002-8879-740X

Researcher ID: JZD-2020-2024

Введение

Современная внешнеполитическая стратегия России прошла несколько стадий в своем формировании, которые были тесно связаны с происходящими сдвигами на мировой арене рубежа XX–XXI вв. Среди наиболее важных подвижек, повлиявших на формирование политического курса, стали события, принявшие форму угроз для национальной или международной безопасности:

становление транснационального терроризма после 11 сентября 2001 г.; не-санкционированное вторжение США в Ирак в 2003 г.; вооруженный конфликт Грузии в Южной Осетии и Абхазии с дальнейшим провозглашением последними независимости; период «Великой рецессии» 2008–2013 гг.; «Арабская весна», берущая свое начало в 2011 г., которая сработала как эффект домино, свержая политические режимы в государствах Ближнего Востока и Северной Африки, одним из которых стала Сирия; майдан на Украине и крымская весна 2014 г., окончившаяся присоединением Крыма к России по итогам референдума; и, наконец, российская СВО, начавшаяся в феврале 2022 г.

Специальной военной операции России предшествовало многолетнее участие страны в урегулировании конфликта в Сирии, где в марте 2011 г. вспыхнули митинги и вооруженные столкновения с полицией, впоследствии переросшие в жестокое противостояние правительства и оппозиции и моментально втянувшие в себя многочисленных косвенных участников – государственных и негосударственных акторов, представленные преимущественно террористическими организациями в лице Исламского государства¹ и других радикальных группировок исламистского толка.

По традиции международное сообщество моментально приняло на себя роль посредника и модератора в урегулировании конфликта: помимо ООН ключевую роль в мирном урегулировании сыграли как группы государств, так и отдельные государства, одним из которых стала Российская Федерация, которая в том числе в 2015 г. начала санкционированную военную операцию в САР по борьбе с международным терроризмом. Именно в это время сирийское урегулирование приняло формы одного из приоритетных направлений политики России – не только на пути обеспечения своей национальной безопасности, но и с целью выработки действенных инструментов влияния на глобальную систему международных отношений. Таким образом, целью исследовательской работы стало изучение роли сирийского урегулирования в конструировании стратегии внешней политики России в современное время, что позволит проследить динамику стратегии и то, как она коррелирует с сирийским вопросом.

Тем не менее российское военное участие в Сирии стало предметом больших дискуссий как в России, так и за рубежом, получив неоднозначные оценки.

В отечественной научной литературе вопрос об участии России в сирийском урегулировании нашел отражение в работах таких ведущих российских востоковедов и дипломатов, предметно исследующих сирийскую проблему и прямо занимающихся разрешением конфликта, как научный руководитель Института востоковедения РАН В.В. Наумкин [Наумкин 2015], главный советник Департамента внешнеполитического планирования МИД России М.С. Ходын-

1. *Террористическая организация, запрещенная в РФ.*

ская-Голенищева [Ходынская-Голенищева 2015; Ходынская-Голенищева 2018], научные сотрудники ИНИОН РАН А.В. Манойло [Манойло 2020] и Ф.О. Трунов [Трунов 2016], бывший директор Московского Центра Карнеги Д.В. Тренин [Тренин 2013], вице-президент РСМД А.Г. Аксенёнок [Аксенёнок 2018], руководитель «Центра ближневосточных исследований» И.Д. Звягельская [Zvyagelskaya 2015], руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН В.А. Кузнецов [Кузнецов 2015], Ведущий эксперт Центра анализа стратегий и технологий М.Ю. Шеповаленко [Сирийский рубеж 2016] и др.

Для достижения цели исследования методологической основой работы стал комплексный подход, включающий в себя качественный и статистический методы анализа, с опорой на эмпирическую базу, которую составили не только официальные нормативно-правовые документы государственных органов власти, включая редакции Концепции внешней политики РФ 2000, 2008, 2016, которая считается наиболее ценной для исследования, так как её принятие состоялось после российской военной операции в Сирии, и 2023 гг., заявления официальных представителей власти, так и официальные нормативно-правовые и производственные отчетные документы международных организаций, таких как ООН и др., итоговые документы переговоров и периодическая печать.

Принципиальные основы российской позиции по сирийскому вопросу

С начала конфликта официальная позиция России предусматривала отстаивание положений о сохранении суверенитета и единства САР, ее независимости и территориальной целостности. Позиция была обоснована не только историческими узами двух стран, но и национальными интересами страны. Так, Сирия оставалась для СССР к концу «холодной войны» де-факто единственной прочной опорой на Ближнем Востоке [Сирийский рубеж 2016, с. 18] – на идеологическом и военно-политическом уровнях, а также играла роль противовеса усилению влияния США в регионе [Трухачев 2008]. В современное же время Россия поддерживает официальную сирийскую власть не столько из соображений защиты унаследованного от СССР традиционного союзника в лице правящей партии Баас и действующего президента страны, сколько исходя, прежде всего, из собственных национальных интересов.

Как правило, национальные интересы государства отражены в программных государственных документах, где, исходя из анализа существующей международной ситуации, определяется общая перспективная стратегия государства на международной арене. Выделяя наиболее значимые национальные интересы РФ, можно увидеть, как они проецируются на внешнюю политику России, в особенности в сирийском конфликте.

Прежде всего, в Концепции внешней политики РФ 2000 г. стратегия России не включала в поле своих интересов ни Сирию, ни регион Ближнего Востока; угрозой национальным интересам России было объявление усиливающих тенденций к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США. В 2008 г. в документе сменились акценты: впервые упоминается Сирия, как одна из стран региональных приоритетов РФ. В 2013 г. в Концепции определена роль России в стабилизации обстановки в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (где началась «Арабская весна»), при этом Сирии не выделяется особого места.

По прошествии четырех лет вооруженного конфликта, повлекшего крупные гуманитарные, территориальные и стратегические потери, президент Сирии Б. Асад, действуя в соответствии с Договором «О дружбе и сотрудничестве между СССР и Сирийской Арабской Республикой» от 8 октября 1980 г., официально обратился к Президенту России с просьбой об оказании Сирии военной помощи. 30 сентября 2015 г., после одобрения официального запроса Советом Федерации РФ, было утверждено использование Вооруженных Сил России для противодействия Исламскому Государству, Джебхат ан-Нусре² и другим террористическим организациям на территории Сирии. Размещение ВВС России состоялось на авиационной базе в Хмеймим в провинции Латакия. В связи с этим в редакции 2016 г., после официального военного присутствия в Сирии, впервые говорится о том, что «Россия выступает за политическое урегулирование ситуации в Сирийской Арабской Республике и определение будущего страны сирийским народом на основе положений Женевского коммюнике от 30 июня 2012 г., заявлений Международной группы поддержки Сирии и соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН». Позиция России сфокусировалась на отстаивании единства, независимости и территориальной целостности Сирии как светского, демократического, плюралистического государства.

В последней редакции Концепции внешней политики 2023 г., после смещения приоритетных акцентов во внешней политике РФ по защите национальных интересов на западных рубежах своей же страны, о Сирии в документе стало говориться только в контексте взаимодействия с исламским миром.

Российская позиция по сирийскому вопросу, а также военное участие в конфликте, были обусловлены рядом причин.

Так, одним из основных принципов российской политики в Сирии стала борьба с международным терроризмом, относящаяся к базовым национальным интересам РФ, тесно связанным с укреплением обороны страны,

2. Террористическая организация, запрещенная в РФ.

обеспечением незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности и общественной безопасности. Только за 2014–2015 гг. в ряды Исламского Государства было завербовано около 27–31 тыс. иностранных боевиков, из которых 5–7 тыс. прибыли с территорий постсоветских государств, согласно данным Нью-Йоркского Агентства Soufan Group [Foreign Fighters 2015]. Более того, идеология международных исламистских террористических организаций, являющихся опорой вооруженной сирийской оппозиции (Джебхат ан-Нусра, батальон Аль-Мухаджерин³, Ахрар аш-Шам⁴, Джейш аль-Ислам⁵ и ИГ) [Сирийский рубеж 2016, с. 78–85], способна оказать дестабилизирующее влияние на мусульманское население ряда регионов РФ (в особенности Северный Кавказ, Поволжье др.) и постсоветских государств Центральной Азии (в том числе работающих в России мигрантов из этих стран), привести к активизации террористической деятельности на территории РФ и стран СНГ. В России вопрос о борьбе с террористической угрозой стоит особенно остро в связи с произошедшими на рубеже XX–XXI вв. событиями на Северном Кавказе, в Буденновске, Москве, Беслане, Волгограде и других городах. В этом ключе поддержка президента Асада как представителя одного из последних светских политических систем на Ближнем Востоке, была рассчитана и на отдаленную перспективу – повернуть вспять тенденцию распространения радикального исламистского проекта, который, с большой вероятностью, мог затронуть постсоветские страны и некоторые регионы России, где большинство населения исповедует ислам [Zvyagelskaya 2015]. Поэтому военную операцию России в Сирии можно рассматривать как деятельность, бьющую в самую сердцевину проблемы международного терроризма, а также недопущению дестабилизации и фрагментации постсоветского пространства.

Одной из наиболее весомых причин можно считать недопущение смены власти в Сирии через поддержку президента Б. Асада, потому что смена власти в результате «цветных революций» и «арабской весны», как правило, вела к дестабилизации политической ситуации не только в тех странах, где происходили «революции», но и в более широком региональном масштабе. Значение этого обстоятельства подтверждается высказыванием С. В. Лаврова в ходе визита в Берлин в 2017 г.: «Что касается Асада, мы его не поддерживаем. Мы просто категорически не хотим повторять то, что произошло в Ираке» [Лавров объяснил позицию РФ]. Таким образом, за поддержкой президента Асада стоит более широкая стратегия России по недопущению дальнейшего проведения Западом политики грубого вмешательства во внутренние дела го-

3. Террористическая организация, запрещенная в РФ.

4. Террористическая организация, запрещенная в РФ.

5. Террористическая организация, запрещенная в РФ.

сударств и смены власти [Ходынская-Голенищева 2018, с. 172]. Характерно, что в Концепции внешней политики РФ 2016 г. «установление в государствах, сопредельных с Российской Федерацией, режимов, в том числе в результате свержения легитимных органов государственной власти, политика которых угрожает интересам Российской Федерации», рассматривалась как одна из самых актуальных внешних угроз.

Если принять во внимание экономическое и политическое положение, в котором Россия находилась после событий в Украине 2014 г. и присоединения Крыма, может создаться впечатление, что России было бы гораздо логичнее и выгоднее принять позицию Запада по вопросу пребывания Асада у власти, но в данном случае руководство РФ посчитало более невозможным продолжать курс уступок по отношению к политике Запада по перекройке геополитической карты Ближнего Востока, провоцирующей политический хаос в государствах-республиках региона. Дестабилизация региона более того имела своим следствием пролиферацию и разгул джихадистских группировок, расцвет терроризма, наркотрафика, многочисленных нарушений прав человек и т.п. [Zvyagelskaya 2015]. В Концепции внешней политики 2016 г. четко указывается, что «распространение экстремистской идеологии и активность террористических структур в целом ряде регионов (в первую очередь на Ближнем Востоке и в Северной Африке) в значительной степени спровоцирована внешним вмешательством». Однако вовлеченность России в сирийский конфликт исходит из ее принципиальной позиции, подчеркивающей важность «объединения усилий мирового сообщества» в борьбе с террористической угрозой, что выразилось в «предложении по созданию широкой антитеррористической коалиции», прозвучавшем в выступлении В.В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г., которая могла бы снять возникшую напряженность в отношениях с США и ЕС на основе совместной борьбы против Исламского Государства на территории Сирии и Ирака [Звягельская, Сурков 2019]. Эта принципиальная позиция, в известной части, совпадала и с конъюнктурной заинтересованностью России после украинских событий 2014 г. и введенных против нее западных санкций найти на Ближнем Востоке новую площадку для сбалансированного сближения с Западом. Однако российская инициатива по поиску точек взаимодействия в целом не была принята Западом, и образованная США международная антитеррористическая коалиция не пригласила войти в ее состав ни Россию, ни Иран, ни другие страны. Таким образом, попытки сближения с Западом на основе противодействия терроризму не увенчались успехом и, фактически, сменились конкуренцией российского и западного подходов к разрешению сирийского конфликта.

Сирийский конфликт стал наглядной демонстрацией противоположности политических подходов России и США (как лидера коллективного За-

пада) к его урегулированию – несмотря на то, что обе державы вели боевые действия в Сирии под флагом борьбы с ИГ, камнем преткновения в их сотрудничестве являлось отношение к Б. Асаду и оппозиции. Хотя для России включение в урегулирование сирийского конфликта на независимой основе, вне рядов международной коалиции, таило определенный риск оказаться в стратегическом одиночестве, это решение в то же время давало и определенные преимущества – возможность отчетливо проводить свою политическую линию, не идя на поводу у Запада. Тем самым Российская Федерация, включаясь в урегулирование сирийского конфликта не только на треке военной операции с 2015 г., но и активно продвигая многостороннюю дипломатию. Всё это давало России больше шансов бороться за возвращение себе роли своего предшественника, Советского Союза, в решении ближневосточных проблем и, становясь в этом противовесом США, возвратиться на международную арену в качестве одного из важнейших игроков в вопросах региональной и международной безопасности.

Однако остается открытым вопрос: почему именно Сирия была выбрана в то время Россией для демонстрации своих амбиций и стратегических планов по возвращению в мировую политику? При ответе на этот вопрос следует учитывать ряд соображений. Во-первых, Сирия не так далека в географическом отношении от сфер российских интересов, как, например, Ливия или Йемен (где в это время тоже существовали конфликты), и не «чужда» России, в силу традиций дружбы и сотрудничества, а также общих идеологических наследий. Во-вторых, было много шансов на то, что Россия, при условии проведения своей внешней политики с опорой на международное право и международные механизмы урегулирования, не «увязнет» в Сирии надолго и не повторит афганский сценарий. В-третьих, урегулирование конфликта и военное участие России в нем ограниченными силами авиационной поддержки правительственных войск Сирии не виделись экономически обременительными. В-четвертых, Россия не воспринималась бы на Западе в этом регионе как государство с экспансионистскими целями, в отличие, скажем, от конфликта в Украине: Ближний Восток просто не был в постбиполярный период такой сферой политико-идеологических противоречий между Россией и Западом, как, например, Восточная Европа. Подключение России к борьбе с ИГ на территории Сирии не рассматривалось как вызов западной политике в регионе, где большинство режимов априори ориентировалось именно на Запад [Звягельская, Сурков 2019, с. 4–6]. При этом, однако, политика Москвы по недопущению свержения власти Башара Асада четко проецируется на глобальный политический уровень, поскольку актуализирует принцип невмешательства во внутренние дела суверенных государств и стремится придать мировой системе большую справедливость через укрепление основ международного гуманитарного права.

Реализация стратегии России в контексте сирийского урегулирования

На протяжении всего конфликта Россия была единственной страной, принявшей участие во всех международных инициативах по политико-дипломатическому урегулированию конфликта, будучи организатором и активным участником двусторонних и многосторонних встреч по данной проблематике [Филаретова 2023].

В первые годы конфликта в Сирии Россия, пройдя через перезагрузку отношений с Соединенными Штатами, взяла курс на решение сирийского вопроса на высшем уровне через двусторонние переговоры с Западом в лице Великобритании и США. В то же время Россия внесла существенный вклад в переговорные процессы в Женеве под эгидой ООН и в рамках деятельности Международной группы поддержки Сирии в поисках политического урегулирования конфликта. Одновременно Россия использовала право вето в Совете Безопасности ООН против западных резолюций, которое предотвратило вооруженное иностранное вмешательство в САР и применение международных санкций против её властей. Так, с 2012 по 2024 г. Россия заблокировала 19 подобных резолюций против сирийских властей.

Будучи «западным» урегулирование конфликта в Сирии претерпело кардинальные изменения после украинского кризиса и появления ИГИЛ на территории Сирии в 2014 г. – и как следствие начала участия российских ВВС в антитеррористической операции с 2015 г.

В первую очередь, стоит отметить, что российская военно-политическая стратегия в Сирии увенчалась уничтожением оплота международного терроризма в лице ИГИЛ⁶ в конце 2017 г. Так, Россия, не удостоившаяся, как и Иран, приглашения войти в состав созданной США международной антитеррористической коалиции, осуществляла борьбу против террористических организаций на территории САР на независимой основе, внося весомый вклад в решительную победу над террористами, и, прежде всего, в разгром военных сил Исламского Государства, а также возвращению под правительственный контроль большей части территории страны. Показателем эффективности российской военной операции против террористов является сравнение качества авиационных операций России и США за первые годы их нахождения в Сирии. Так, с начала российской военной операции с середины 2015 до конца 2017 г., когда был провозглашен вывод из САР части российского военного контингента на фоне достигнутых успехов, ВВС России было совершено около 30 тыс. боевых вылетов по позициям ИГ с поражением около 90 тыс. целей, в то время как международная антитеррористическая коалиция США с начала своей военной операции в середине 2014 г. до конца 2017 г. совершила около 11 тыс. боевых вылетов по позициям ИГ с поражением 32 тыс. целей.

6. Террористическая организация, запрещенная в РФ.

Оказание поддержки Б. Асаду, в частности, было стратегически важно для России с точки зрения сохранения ее существующих позиций на Ближнем Востоке, прежде всего, в виде пункта материально-технического обеспечения ВМФ России в Тартусе. В этом смысле сохранение власти действующего президента обеспечивало России сохранение своей военно-морской инфраструктуры в Тартусе, поскольку, в случае прихода к власти другого (прозападного или исламистского) режима, существование этого опорного пункта российского присутствия в регионе оказалось бы под большой угрозой. О внимании российской стороны к этой проблеме говорит тот факт, что в 2017 г. российский пункт поддержки ВМФ приобрел статус военно-морской базы РФ за пределами ее территории. Таким образом, Россия, закрепившись на побережье Сирии, обеспечила себе единственный выход в Средиземное море и одновременно право выхода из него в Мировой океан, что безусловно имеет для России большое геополитическое значение [Трухачев 2008].

На данный момент Россия не только сохраняет свои военно-стратегические позиции в Сирии, но и существенно их усиливает. В наличии у России на Средиземном море не только военно-морская база в Тартусе, военно-воздушная база в Хмеймиме с действующим на ней Координационным центром по примирению, принявшая статус постоянно и бессрочно действующей военной базы РФ за рубежом, но и ряд других авиационных баз и аэродромов подскока на территории всей Сирии, в Эль-Камышлы, Эш-Шайрат, Эт-Табка, Джейрах, Эт-Тияс, тем самым придавая присутствию РФ в Сирии более эшелонированный вид. Для большей наглядности автором была создана карта военного базирования РФ в Сирии [Военные базы России в Сирии] (рис. 1). Получив военный доступ к регионам у реки Евфрат и в Заевфратье, создался военный паритет между Россией и США, чьи базы были расположены в этих районах Сирии еще с 2014 г., тем самым «лоб в лоб» ставя силы двух военных держав.

Сирийский конфликт стал для России поистине подлинным полигоном для испытания своих военных сил: как персонала, так и более 600 видов вооружений, в том числе новейших военных технологий [Минобороны отчиталось об «обкатке»]. Избавив Сирию от химического оружия и не предоставив ей во владение взамен каких-либо современных вооружений, Россия предоставила себе путь к полному военному доминированию и получила возможность демонстрации своих военных возможностей всему миру. Одним из наиболее показательных стал массированный удар по позициям боевиков в Сирии из акваторий Каспийского моря в октябре 2015 г. Эта демонстрация, кроме политических дивидендов, усилила позиции России как одного из ключевых игроков на международном рынке вооружений. Так, согласно данным SIPRI, можно проследить резкий скачок экспорта вооружений в 2014 г. после крымской весны и особенный рост в 2015 г., достигнув пика в 2016 г. [Arms exports] (рис. 2).

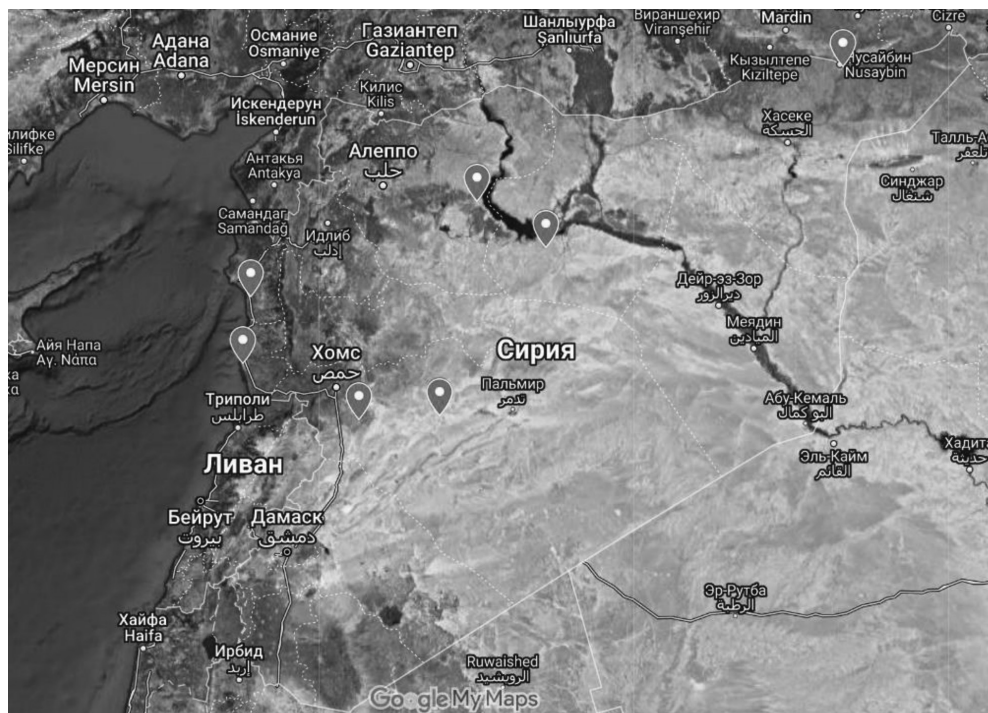

Рис. 1. Военные базы России в Сирии

Источник: составлено автором

Рис. 2. Экспорт российских вооружений (млрд долл.)

Источник: составлено по: [Arms exports]

Военное участие в конфликте позволило произвести «обкатку» российского вооружения, а также армии, застоявшихся в мирных условиях и не имеющих фактического военного применения, в целях приобретения реального военного опыта, до того, как испытать их в более масштабных боевых действиях в рамках СВО. Большинство «обкатанных» в Сирии вооружений, а также их модификаций, были произведены или находятся в эксплуатации только с 2010 гг., и потому в Сирии они были использованы впервые (табл. 1).

Таблица 1

**Часть вооружений РФ, примененных в военных операциях в Сирии (с 2015 г.)
и в зоне СВО (с 2022 г.)**

Тип оружия / Страна	Первое боевое использование в Сирии	Применение в Сирии (с 2015 г.)	Применение в СВО (с 2022 г.)
Авиационные бомбы КАБ-500С	+	+	—
Боевая машина пехоты БМП-1	—	+	+
Боевая машина пехоты БМП-2	—	+	+
БПЛА «Орлан-10»	+	+	+
БПЛА «Элерон-3СВ»	+	+	+
Бронеавтомобиль «Тайфун»	+	+	+
Бронеавтомобиль «Тигр»	+	+	+
Бронетранспортер БТР-82	+	+	+
Вертолет Ка-52	+	+	+
Вертолет Ми-8	—	+	+
Вертолет Ми-24	—	+	+
Вертолет Ми-28Н	+	+	+
Гиперзвуковая ракета «Кинжал»	—	+ (учения)	+
ЗРПК «Панцирь-С1»	+	+	+
ЗРК С-300	—	+	+
ЗРК С-400	+	+	+
Истребитель Су-27	—	+	+
Истребитель Су-30СМ	+	+	+
Истребитель Су-34	+	+	+
Истребитель Су-35	+	+	+
Истребитель Су-57	+	+	+
Корабельные ракетные комплексы «Калибр»	+	+	+
Крейсер «Адмирал Кузнецов»	+	+	—
Крылатая ракета Х-101	+	+	+
МРК проекта 21631 «Буян-М»	+	+	—
Огнеметная система ТОС-1 «Буратино»	—	+	+
Огнеметные системы ТОС-1А «Солнцепек»	+	+	+

Продолжение таблицы

ОТРК «Искандер-М»	+	+	+
Подводная лодка Б-237 «Ростов-на-Дону»	+	+	+
Подводная лодка «Новороссийск» проекта 636.3	+	+	—
Ракета «Калибр»	+	+	+
РСЗО «Торнадо-Г»	+	+	+
РСЗО «Смерч»	—	+	+
Самолет дальней авиации Ту-160М	+	+	+
Самолет дальней авиации Ту-22М3	—	+	+
Самолет дальней авиации Ту-95МС	+	+	+
Самолет корабельной авиации МиГ-29	—	+	+
Танк Т-72	—	+	+
Танк Т-90	—	+	+

Источник: составлено автором по открытым источникам

Именно в период военной операции РФ в Сирии произошел коренной перелом в урегулировании конфликта и смещение его в «незападное» измерение. Созданный в рамках договоренностей с США с целью мониторинга режима прекращения боевых действий Координационный центр по примирению в Хмеймим в 2016 г. стал основой для сотрудничества с региональными акторами после забуксировавшего вопроса по Восточному Алеппо в рамках переговоров с США.

Так, Россия выступила инициатором коалиции с Турцией и Ираном. Совместно с этими региональными партнерами, при содействии Казахстана, Россия выработала региональную площадку «Астанинского формата» переговоров между сирийским правительством и вооруженной оппозицией, ставшей новой вехой в сирийском урегулировании.

Военные победы на земле и отвоевание территорий дали России преимущество в проведении более влиятельного курса за столом переговоров. Итогами переговоров в Астане стало создание зон деэскалации конфликта, гарантиями которых стали Россия, Турция и Иран. Создание четырех зон деэскалации, присоединение к режиму перемирия в рамках деятельности Координационного центра РФ в Хмеймиме более 2,5 тыс. населенных пунктов и более 200 вооруженных формирований, тем самым возвратив под правительственный контроль большую часть территории Сирии.

Помимо подключения к урегулированию новых региональных партнеров Турции и Ирана, создавая новые переговорные площадки, был запущен внутривосточный процесс через организацию Конгресса сирийского национального диалога в Сочи в 2018 г. Это позволило дать толчок замороженному переговорному процессу между сирийскими сторонами конфликта в Женеве и последующего создания Конституционной комиссии с представителями

сирийского правительства, оппозиции и разных слоев сирийского общества. Однако после февраля 2022 г. Конституционная комиссия приостановила своё действие – сирийское правительство вышло из переговоров после того, как Швейцария присоединилась к западным санкциям против России.

Спустя 13 лет конфликт в Сирии остается не в полной мере разрешенным – территория САР остается разделенной на несколько стратегических частей: вся центральная, южная и прибрежная части остаются за правительственными войсками; северо-восточная часть находится под контролем курдских вооруженных формирований при поддержке США; несколько территорий на севере Сирии – под контролем турецкой армии вследствие военных операций против курдов; анклав на северо-западе – провинция Идлиб – наиболее напряженный район боевых действий, находящийся под контролем террористической группировки Тахрир Аш-Шам⁷, а также анклав на южной границе с Иорданией, находящийся под контролем вооруженной оппозиции; и, наконец, оккупированные Израилем Голанские высоты (рис. 3).

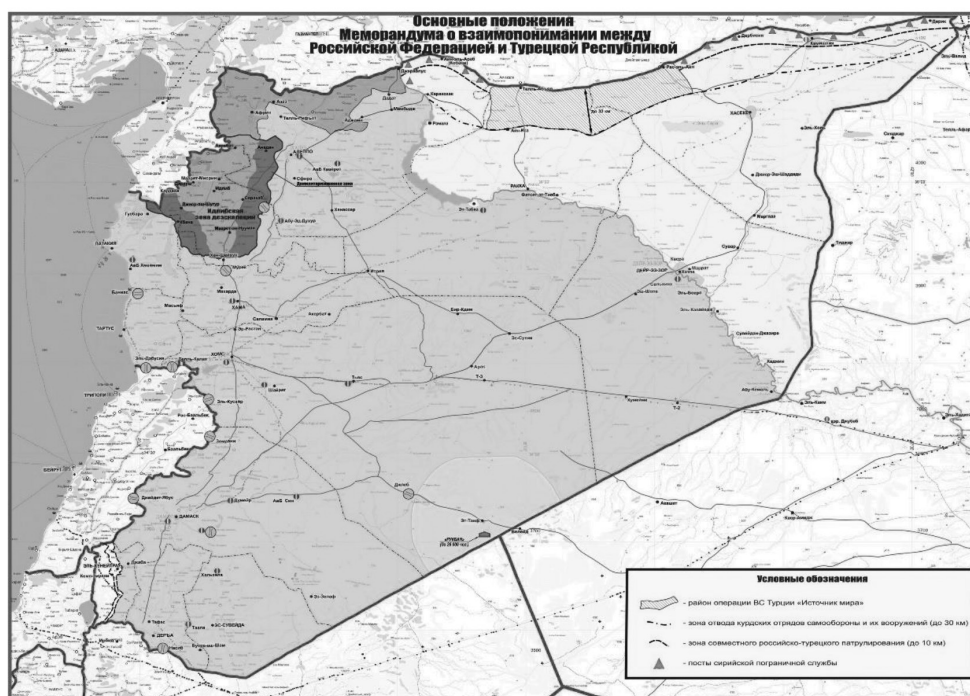

Рис. 3. Территория Сирии на 14.03.2024 г. (оранжевый – территория, подконтрольная сирийскому правительству) [Миссия в Сирии: борьба с международным терроризмом]

7. Террористическая организация, запрещенная в РФ.

Присутствие России в Сирии с 2015 г. по сей день, а также учреждение незападного урегулирования конфликта, тесно связано с обретением ею достойного места в новом формирующемся миропорядке, который находится в стадии бурной трансформации, поскольку создает серьезный противовес безраздельному влиянию США и НАТО на Ближнем Востоке и Восточной Европе.

Несмотря на территориальную раздробленность Сирии, наличие террористической угрозы, в том числе из-за присутствия иностранных наемников и проблемы экономического восстановления страны, из-за чего вопрос о возможности полного незападного урегулирования конфликта повисает в воздухе, можно говорить о полноценном «возвращении» России на Ближний Восток. Это означает одновременно и возвращение в глобальную политику – на те позиции, которые были утрачены после распада Советского Союза, когда в 1990-х годах происходило резкое снижение значения Ближнего Востока в российской внешней политике, что было индикатором общей слабости международных позиций страны [Kožhanov 2018]. Отказ России от конфронтации с Западом, ограниченность ресурсов и сложности процесса реформирования России, закрепление на международной арене гегемонии США, деидеологизация процесса принятия внешнеполитических решений привели руководство РФ к серьезной зависимости от Запада [Zvyagelskaya 2015]. На фоне крушения структур российского влияния во внешнем мире ЕС и НАТО продолжали расширяться и включать в себя всё большее число восточноевропейских государств. При этом выстраивание равноправных партнерских отношений с западными странами терпело неудачу. Мюнхенская речь Путина в 2007 г. предопределила переход России к четкой артикуляции, отстаиванию и продвижению своих стратегических интересов во внешней политике, и это серьезно насторожило Запад, который готов был уже списать Россию из числа активных акторов мировой политики. Военные события в Грузии в 2008 г. еще более негативно настроили западные страны по отношению к политике России, однако из грузинской агрессии против Южной Осетии Россия сумела извлечь определенные стратегические выгоды: создание Южной Осетии и Абхазии как суверенных государств и превращение их конфликта с Грузией в «замороженный» на длительную перспективу предопределили невозможность для этой страны интегрироваться в западные военно-политические и экономические структуры. Шестью годами позднее по похожему сценарию происходили вмешательство России в украинский кризис и проведение референдума на территории Крыма, по итогам которого произошло его присоединение к территории России. После событий в Украине в 2014 г. и присоединения Крыма Россия оказалась фактически исключена из системы общей европейской безопасности. Тем не менее Россия в ситуации этих кризисов на постсоветском пространстве ясно заявила

о своих стратегических интересах и самостоятельности своей внешней политики. Таким образом, внешняя политика РФ после 2007 г. была, по существу, подчинена формированию многополярной системы международных отношений и упрочению позиций Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира. Участие в сирийском конфликте является для России не просто продолжением этой тенденции, но её главным этапом на пути восстановления российского влияния на мировой арене в качестве одного из сильнейших международных игроков, а военные и дипломатические победы в Сирии являются для РФ не только локальными выигрышами, но и предвещают успехи на международном уровне.

Заключение

Позиция России по Сирии основывается на положениях Женевского коммюнике от 30 июня 2012 г., заявлений Международной группы поддержки Сирии и Резолюции № 2254 Совета Безопасности ООН. Россия внесла существенный вклад в переговорные процессы в Женеве под эгидой ООН, в рамках деятельности Международной группы поддержки Сирии, Астанинского формата переговоров в поисках политического урегулирования конфликта, одновременно являясь организатором и активным участником двусторонних и многосторонних встреч по проблемам сирийского урегулирования.

Отстаивая положения международного права, Россия противопоставляет западной политике нелегитимных государственных переворотов, провоцирующей хаос и разрушения, стратегию поддержки законных властей в Сирии как важного условия сохранения стабильности и борьбы с международным терроризмом.

Именно Сирия стала отправной точкой новой внешнеполитической стратегии России, особенно в контексте украинского кризиса и проведении СВО, во-первых, став полигоном и «обкаткой» вооружений и военного персонала в реальных боевых условиях против террористических группировок, а также с целью подготовки к более масштабной борьбе в будущем; во-вторых, закрепляясь в регионе Ближнего Востока и имея единственную военно-морскую базу на Средиземном море; и, в-третьих, с целью возвращения себе статуса одной из лидирующих держав в формирующемся полицентричном мире.

Сирийское урегулирование, с его политическими и военными инструментами, ставшими ценным опытом для Москвы в будущем, стало важной частью более всеобъемлющих – региональной и глобальной – стратегии внешней политики России первой половины XXI в., оказывающей конечное становление России в качестве глобального независимого актора на международной арене (рис. 4).

Рис 4. Сирийское урегулирование как одно из ключевых частей внешнеполитической стратегии России в XXI в.

Источник: составлено автором

Библиография

Аксенёнок А.Г. Сирийское уравнение: в поисках формулы решения // РСМД: сетевой журнал. 2018. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/siriyskoe-uravnenie-v-poiskakh-formuly-resheniya/> (дата обращения: 15.03.2024).

Военные базы России в Сирии // Google Maps. URL: https://www.google.com/maps/d/u/0/edit?mid=1X5yk_isZiAvgyu8a-pCOeJWn9Hpc0JI&usp=sharing (дата обращения: 15.03.2024).

Звягельская И.Д., Сурков Н.Ю. Российская политика на Ближнем Востоке: дивиденды и издержки большой игры // РСМД: сетевой журнал. 2019. Рабочая тетрадь № 51. 24 с.

Кузнецов В. Россия в Сирии: неочевидные решения неочевидных задач в условиях риска // РСМД: сетевой журнал. 2015. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/>

rossiya-v-sirii-neochevidnye-resheniya-neochevidnykh-zadach-/?sphrase_id=496523 (дата обращения: 15.03.2024).

Лавров объяснил позицию РФ в отношении Асада // Интерфакс. 2017. 13 июля. URL: <https://www.interfax.ru/world/570508> (дата обращения: 15.03.2024).

Манойло А.В. Конфликт в Сирии и внешняя политика России // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 2. С. 145–172.

Минобороны отчиталось об «обкатке» в Сирии 600 образцов вооружений // РБК. 2017. 24 авг. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/08/2017/599eb7419a79471e1fd1ae04> (дата обращения: 15.03.2024).

Миссия в Сирии: борьба с международным терроризмом // Министерство обороны РФ. URL: <https://syria.mil.ru/war-on-terror/infographics.htm> (дата обращения: 15.03.2024).

Наумкин В.В. Кризис на Ближнем Востоке: внешнее вмешательство и разгул экстремизма // Россия в глобальной политике. 2015. 15. 07. URL: <https://globalaffairs.ru/valday/Krizis-na-Blizhnem-Vostoke-vneshnee-vmeshatelstvo-i-razgul-ekstremizma-17587> (дата обращения: 15.03.2024).

Сирийский рубеж / под ред. М.Ю. Шеповаленко. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2016. 184 с.

Тренин Д. Россия и кризис в Сирии // М.: Московский Центр Карнеги, 2013. 2013. 41 с. URL: https://carnegieendowment.org/files/WP_Syria_Rus_web_Feb2013.pdf (дата обращения: 20.05.2020).

Трунов Ф.О. Позиции России и Германии по «сирийскому вопросу»: взаимодействие или взаимное отчуждение? // Россия и современный мир. 2016. № 4. С. 145–160.

Трухачев В. Россия может укрепиться на Ближнем Востоке через Сирию // Правда.Ру. 2008. 20 авг. URL: <https://www.pravda.ru/world/280018-syria/> (дата обращения: 15.03.2024).

Филаретова Ю.С. Гуманитарная дипломатия России в Сирии в XXI веке // Гуманитарная дипломатия: цивилизационные и национальные модели. М.: Аспект Пресс. 2023. С. 149–184.

Ходынская-Голенищева М.С. Кризис в Сирии // Азия и Африка сегодня. 2015. № 6. С. 88–105.

Ходынская-Голенищева М.С. Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений: дис. ... д-ра ист. наук. М.: МГИМО, 2018. 882 с.

Arms exports (SIPRI trend indicator values) – Russian Federation // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.XPRT.KD?end=2022&locations=RU&start=2000> (дата обращения: 15.03.2024).

Foreign Fighters // The Soufan Group. 2015. Dec. 26 p. URL: https://www.cvereferecguide.org/sites/default/files/resources/TSG_ForeignFightersUpdate3.pdf (дата обращения: 15.03.2024).

Kożhanov N. Iran and Russia's very pragmatic alliance // Le Monde diplomatique. 2018. May. URL: <https://mondediplo.com/2018/05/03russia-iran> (дата обращения: 15.03.2024).

Zvyagelskaya I. Disrupting the Chessboard: Perspectives on the Russian Intervention in Syria // Cambridge: Belfer Center for Science and International Affairs, 2015. 44 p.

References

Aksenjonok A.G. Sirijskoe uravnenie: v poiskah formuly reshenija [Syrian equation: in search of a solution formula]. RSMD [RIAC]. 2018. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sirijskoe-uravnenie-v-poiskakh-formuly-resheniya/> (date of access: 15.03.2024). (In Russ.)

Arms exports (SIPRI trend indicator values) – Russian Federation. World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.XPRT.KD?end=2022&locations=RU&start=2000> (date of access: 15.03.2024).

Filaretova Yu.S. Gumanitarnaya diplomatiya Rossii v Sirii v XXI veke [Humanitarian diplomacy of Russia in Syria in the 21st century]. Gumanitarnaya diplomatiya: civilizacionnye i nacional'nye modeli [Humanitarian diplomacy: civilizational and national models]. 2023. Moscow: Aspect Press. P. 149–184. (In Russ.)

Foreign Fighters. The Soufan Group. 2015. 26 p. URL: https://www.cvereferecguide.org/sites/default/files/resources/TSG_ForeignFightersUpdate3.pdf (date of access: 15.03.2024).

Hodynskaja-Golenishheva M.S. Krizis v Sirii [Crisis in Syria]. Azija i Afrika segodnja [Asia and Africa today]. 2015. N 6. P. 88–105. (In Russ.)

Hodynskaja-Golenishheva M.S. Sirijskij krizis v transformirujushhejsja sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij: dis. ... d-ra ist. Nauk [The Syrian crisis in the transforming system of international relations: dis. ... Dr. Ist. Sci.]. Moscow: MGIMO, 2018. 882 p. (In Russ.)

Kožhanov N. Iran and Russia's very pragmatic alliance. Le Monde diplomatique. 2018. URL: <https://mondediplo.com/2018/05/03russia-iran> (date of access: 15.03.2024). (In Russ.)

Kuznecov V. Rossiya v Sirii: neochevidnye reshenija neochevidnykh zadach v uslovijah riska [Russia in Syria: non-obvious solutions to non-obvious problems in conditions of risk]. RSMD [RIAC]. 2015. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-v-sirii-neochevidnye-resheniya-neochevidnykh-zadach-/?sphrase_id=496523 (date of access: 15.03.2024). (In Russ.)

Lavrov objasn timer poziciju RF v otnoshenii Asada [Lavrov explained the position of the Russian Federation regarding Assad]. Interfaks [Interfax]. 2017. URL: <https://www.interfax.ru/world/570508> (date of access: 15.03.2024). (In Russ.)

Minoborony otchitalos' ob «obkatke» v Sirii 600 obrazcov vooruzhenij [The Ministry of Defense reported on the “testing” of 600 weapons in Syria]. RBK. 2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/08/2017/599eb7419a79471e1fd1ae04> (date of access: 15.03.2024). (In Russ.)

Missija v Sirii: bor'ba s mezhdunarodnym terrorizmom [Mission in Syria: the fight against international terrorism]. Ministerstvo oborony RF [Ministry of Defense of the Russian Federation]. URL: <https://syria.mil.ru/war-on-terror/infographics.htm> (date of access: 15.03.2024). (In Russ.)

Manojlo A.V. Konflikt v Sirii i vneshnyaya politika Rossii [The Syrian Conflict and Russia's Foreign Policy]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2020. N 2. P. 145–172. (In Russ.)

Naumkin V.V. Krizis na Blizhnem Vostoke: vneshnee vmeshatel'stvo i razgul jekstremizma [Crisis in the Middle East: external interference and rampant extremism]. Rossiya v global'noj politike [Russia in global politics]. 2015. 15.07. URL: <https://globalaffairs.ru/valday/Krizis-na-Blizhnem-Vostoke-vneshnee-vmeshatelstvo-i-razgul-ekstremizma-17587> (date of access: 15.03.2024). (In Russ.)

Sirijskij rubezh / pod red. M.Ju. Shepovalenko [Syrian frontier / ed. M.Yu. Shepovalenko]. 2-e izd., dop. Moskva: Centr analiza strategij i tehnologij [2nd ed., add. Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies]. 2016. 184 p. (In Russ.)

Trenin D. Rossiya i krizis v Sirii [Russia and the crisis in Syria]. Moscow: Moskovskij Centr Karnegi [Carnegie Moscow Center], 2013. 41 p. URL: https://carnegieendowment.org/files/WP_Syria_Rus_web_Feb2013.pdf (date of access: 20.05.2020). (In Russ.)

Truhachev V. Rossiya mozhet ukrepit'sja na Blizhnem Vostoke cherez Siriju [Russia can strengthen itself in the Middle East through Syria]. Pravda.Ru. 2008. URL: <https://www.pravda.ru/world/280018-syria/> (date of access: 15.03.2024). (In Russ.)

Trunov F.O. Pozicii Rossii i Germanii po «sirijskomu voprosu»: vzaimodejstvie ili vzaimnoe otchuzhdenie? [Positions of Russia and Germany on the “Syrian question”: interaction or mutual alienation?]. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the contemporary world]. 2016. N 4. P. 145–160. (In Russ.)

Voennye bazy Rossii v Sirii [Russian military bases in Syria]. Google Maps. URL: https://www.google.com/maps/d/u/0/edit?mid=1X5yk_isZiAvgyu8a-pCOeJWn9HpcoJI&usp=sharing (date of access: 15.03.2024). (In Russ.)

Zvjagel'skaja I.D., Surkov N.Ju. Rossijskaja politika na Blizhnem Vostoke: dividendy i izderzhki bol'shoj igry [Russian policy in the Middle East: dividends and costs of the great game]. RSMD [RIAC]. 2019. Workbook N 51. 24 p. (In Russ.)

Zvyagelskaya I. Disrupting the Chessboard: Perspectives on the Russian Intervention in Syria. Cambridge: Belfer Center for Science and International Affairs, 2015. 44 p.